

ленному освобождению (ст. 12 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»).

Своеобразный, отличающийся от общего, порядок задержания установлен Федеральным законом «О Счетной палате Российской Федерации». Во-первых, иммунитет о задержания распространяется не только на Председателя Счетной палаты, его заместителя и аудиторов, но также на инспекторов Счетной палаты. Во-вторых, в законе ничего не говорится о задержании этих должностных лиц на месте преступления, однако фактически подразумевается возможность их задержания с согласия той палаты Федерального Собрания, которая назначила их на должность в Счетную палату (ч. 1 ст. 39 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации»).

Таким образом, сама принципиальная возможность задержания различных субъектов, указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, а также условия и порядок задержания отличаются друг от друга. В данном случае нельзя говорить о безусловном приоритете УПК РФ перед федеральными законами, определяющими статус тех или иных субъектов, поскольку если эти законы устанавливают дополнительные правовые гарантии для лиц, в

соответствующей части должны применяться именно указанные законы.

Следует отметить, что ст. 449 УПК РФ теоретически допускает процессуальное задержание названных в ней субъектов при их физическом задержании на месте преступления. Однако эта норма фактически блокируется правилами о получении согласия на задержание от компетентных государственных органов. Совершенно очевидно, что сжатый срок задержания (не более 48 часов) практически стопроцентно исключает реальную возможность получения согласия.

Следовательно, в данное время иммунитет указанных лиц от задержания фактически является абсолютным. Это противоречит демократическому и правовому характеру государства. Очевидно, следует предусмотреть возможность процессуального задержания всех субъектов при их фактическом задержании на месте преступления без какого-либо согласия. Ситуация, при которой задержанный непосредственно при совершении преступления субъект демонстративно освобождается от задержания, неприемлема и способна только дискредитировать систему государственной власти в целом и правоприменительную деятельность в частности.

Лукьянова А.А.

DOI 10.51980/2021_1_127

Барнаульский юридический институт МВД России

Задержание подозреваемого: процессуальные пределы

Институт задержания подозреваемого является одним из наглядных примеров использования государственного принуждения в защиту публичных интересов. Необходимостью осуществления государственной защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, можно оправдать применение принудительных мер, ограничивающих конституционные права и свободы правонарушителя.

Бесспорным видится утверждение о том, что только государство обладает исключительной монополией на применение мер принудительного воздействия, влекущих ограничение предоставленных Конституцией РФ прав и свобод¹. Одни и те же принудительные действия, которые в правовом общении между государством и личностью считаются закономерными, неприемлемы в правоотношениях категории «личность – личность».

¹ Макарейко Н.В. пределы государственного принуждения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 35-39.

Уголовно-процессуальная деятельность, являющаяся одной из форм государственной деятельности, пронизана принудительным потенциалом. Вместе с тем справедливым представляется мнение С.И. Вершининой о том, что при соблюдении установленного порядка уголовного судопроизводства процессуальная деятельность вполне может осуществляться и без применения мер принуждения¹. Использование механизма уголовно-процессуального принуждения, зачастую заключающего в рамки целый комплекс правовых возможностей личности, в том числе конституционного уровня, допустимо лишь в соответствии с поставленной целью, что и делает возможным установление ограничений даже неотъемлемых и непосредственно действующих прав и свобод.

Следует отметить, что рассуждения автора основаны на теоретических взглядах о понимании уголовно-процессуального принуждения в широком смысле. Так, права и свободы человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовного процесса, могут быть ограничены не только применением мер принуждения, но и в случаях производства следственных действий, содержащих признаки объективного ограничения прав и свобод личности². Законодательная классификация мер процессуального принуждения не является единственной, а разнообразие мер пресечения, иных мер процессуального принуждения, входящих в систему уголовно-процессуального принуждения в широком смысле, позволяет относить их к различным классификационным группам³.

Выбирая в качестве классификационного признака характер ограничения прав гражданина, в частности конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, считаем возможным выстроить классификационную группу из следующих элементов (от мер пресечения

до следственных действий, обладающих принудительным потенциалом): заключение под стражу, задержание, домашний арест, запрет определенных действий, помещение в медицинский стационар в порядке ст. 203 УПК РФ (во взаимосвязи с ч. 2 ст. 10 УПК РФ), привод, запрет, адресованный лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания следственного действия. Все перечисленные действия обладают схожей юридической природой ограничения прав человека, не смотря на различия в объекте, характере и степени правоограничения.

Наиболее концентрированными по объему ограничения названного конституционного права способами безоговорочно остаются заключение под стражу и задержание, последний из которых обладает оперативным характером. Возможность внесудебного концентрированного лишения свободы передвижения (в понимании п. 15 ст. 5 УПК РФ) или физической свободы (в авторской интерпретации) полагаем должно происходить выверено во избежание преждевременного и необоснованного ограничения права, соседствующего с нарушением.

Правовыми гарантиями защиты личности принято считать установленные законом пределы, определяющие границы вмешательства государства в автономию личности, в частности в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Таковыми пределами, прямо установленными Конституцией РФ, являются:

– 48-часовой лимит допустимого досудебного ограничения права путем задержания;

– допустимые способы ограничения права: заключение и содержание под стражей, задержание;

¹ Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 115-125.

² Федоров И.З. Эволюция института государственного принуждения в уголовном судопроизводстве // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 1 (9). С. 115-122.

³ Химичева О.В., Бондаренко И.П. Разнообразие мер процессуального принуждения и характера гарантий прав, свобод и законных интересов обвиняемого при его применении // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 8. С. 118-122.

– императивное требование судебного вмешательства во все случаи ограничения права на срок свыше 48 часов.

Очевидно, что пределы применения государственного принуждения, в частности способом задержания, не исчерпываются приведенным перечнем. Возможности правового института задержания активно используются и в уголовно-процессуальной деятельности, и в административной, и в полицейской. Следует отметить, что названный способ правоограничения будет иметь процессуальные особенности в зависимости от сферы правоприменительной деятельности. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Н.В. Макарейко, который, говоря об административном задержании, отметил, что в зависимости от конкретной цели применения меры принуждения в значительной степени будут проявляться отличия по порядку и объему правоограничений, закрепление единственно возможной формы ведения государственного принуждения нельзя в полной мере признать абсолютным. Одна и та же мера государственного принуждения может быть отнесена к разным формам государственного принуждения.

Для уголовно-процессуального задержания существуют особые процессуальные пределы, отличные от пределов, например, задержания административного, и обусловленные не только специфической сферой правоприменительной деятельности, но и конкретной следственной ситуацией, что бесспорно должно учитываться рядовыми законоисполнителями. В качестве методологической основы для определения соответствующих закономерностей полагаем использовать теоретические взгляды на структуру механизма государственного принуждения, согласно которым данная функциональная система состоит из 4 элементов: субъект, объект, непосредственно государственного мера и правовая регламентация функционально принудительной деятельности¹. Искомыми процессуальными границами, не проти-

воречащими, а конкретизирующими конституционно установленные пределы, видятся:

– надлежащий субъект (уголовно-процессуальным законом установлен исчерпывающий перечень должностных лиц, уполномоченных задерживать);

– надлежащий объект (лицо, в отношении которого имеется подозрение в совершении преступления);

– наличие признаков события преступления, что подтверждено процессуальным решением о возбуждении уголовного дела;

– наличие фактов, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, что законодателем признано одновременно и основанием к задержанию;

– цель – проверка подозрения (во взаимосвязи с п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ);

– сбалансированность защищаемого публичного интереса и применяемого принуждения (наличие подозрения в совершении преступления, в качестве наказания за которое может быть назначено лишение свободы);

– детальная регламентация процессуального порядка;

– установленные правовые гарантии и средства защиты от неправомерного задержания (например, такие правовые возможности, как возможность обжаловать решение о задержании или фактические действия должностного лица, возможность уведомить своих близких о задержании и месте нахождения, возможность своевременно получить квалифицированную юридическую помощь).

Резюмируя, следует отметить, что задержание остается функциональным средством обеспечения осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности. Однако использование данной меры принуждения должно соответствовать целям уголовного судопроизводства, быть сбалансированным и не выходить за пределы, установленные государством на конституционном и отраслевом уровнях. Несмотря на то, что применение принуждения обусловлено

¹ Кожевников С.Н. Государственное принуждение: сущностные аспекты // Социально-политические науки. 2017. № 3. С. 71-74.

конфликтом между государственной волей, выраженной в законе, и волей объекта, государство в лице должностных лиц, уполномоченных на уголовно-процессуальное задержание, обязано не

только регламентировать пределы вмешательства, но и действовать в этих границах, что является залогом соблюдения законности и гарантирует защиту личности, ее прав и свобод.

Костенко Д.С.

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Применение превентивных запретов определенных действий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, а также противодействие наркопреступности всегда являлись предметом пристального внимания ученых, сотрудников правоохранительных органов, сознательных граждан. Значительная общественная опасность этой категории преступлений для развития и благополучия страны предполагает реализацию решительных мер с учетом совершенствования методики расследования преступлений, а также развития норм уголовно-процессуального законодательства в целом.

В то же время говорить о противодействии преступности можно только в случае эффективного решения задач, появляющихся на всем протяжении уголовного процесса.

Современные законодательные новеллы в рамках тенденции совершенствования норм института мер пресечения позволяют по-новому оценить применение отдельных мер пресечения и на основе анализа практики их применения сделать выводы об эффективности ограничений для раскрытия преступления.

Избрание мер пресечения отмечается в методической литературе при описании начального этапа расследования преступлений¹. Однако в большинстве случаев подробного описания методики их непосредственного применения не имеют. Представляется, что законодательное расширение перечня мер пресечения, который на данный момент насчитывает

восемь мер, делает необходимым акцентировать особое внимание на методике применения отдельных мер, доказывания их оснований. Особое внимание необходимо уделить нововведённой мере – запрету определенных действий.

Меры пресечения являются центральной группой мер процессуального принуждения². Трудно недооценить значение превентивных принудительных ограничений, которые возлагаются на подозреваемого и обвиняемого на стадии досудебного производства по уголовным делам. Именно они позволяют обеспечить уверенность в том, что подследственное лицо сможет скрыться от органов, проводящих предварительное расследование или суда; продолжит заниматься преступной деятельностью; может угрожать участникам уголовного судопроизводства и иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Следует отметить, что согласно ч. 2 ст. 97 УПК РФ меры пресечения также могут применяться для обеспечения исполнения приговора. Однако подобное применение уголовно-процессуальных норм института мер пресечения не является предметом рассмотрения данной статьи.

Отметим особенности ограничений, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ. Данная статья предусматривает шесть автономных запретов, три из них не являются для законодательства новыми и уже фигурировали в качестве дополнительных ограничений при избрании

¹ Чурилов С.Н. Методика расследования преступлений: общие положения. М.: Юстицинформ, 2011. С. 73.

² Головкин Л.В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2016. С. 536.